

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА КУБАНИ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 1930-х годов

С 1923 г. в Советском Союзе начался процесс реорганизации и объединения Центральной контрольной комиссии (КК) (ЦКК) РКП(б) и Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) СССР и образования единого органа государственного, общественного и партийного контроля. Это способствовало сращиванию партийного и государственного аппаратов (представители КК–РКИ входили в состав соответствующих партийных комитетов), делало обязательным взаимодействие органов партийно-государственного контроля с прокуратурой, учреждениями суда, а также с ВЧК, ОГПУ и НКВД.

После Гражданской войны Секретариат ЦК РКП(б) своим решением «узаконил» положение, когда руководителей-коммунистов нельзя было предать суду по обвинению в злоупотреблениях и иных преступлениях без санкции парткомов, в которых они числились¹. Постановление Оргбюро ЦК от 16 марта 1923 г. предусматривало особый порядок привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов: губернский прокурор обязан был ранее, чем дать делу законный ход, направить материалы и свое заключение прокурору республики на заключение и для согласования с ЦК². Частично такого рода привилегии перешли и на рядовых коммунистов, особенно занимавших высокие должности. На Северном Кавказе всякого рода «шалости» членов партии (независимо от места их работы) до 1930 г. разбирали КК при областных и окружных комитетах ВКП(б), а с 1930 г. – при районных.

Вседозволенность возвращает должностных лиц, особенно если их деятельность связана с людьми, над которыми они имеют власть. Так, Г.И. Попов, коммунист, участковый инспектор милиции 17 сентября 1931 г. в 3 часа ночи, будучи сильно пьяным, явился в сельсовет станицы Ильинской Новопокровского района, где избил наганом и обругал часового арестного помещения. Затем также избил должника, вовремя не выплатившего налоги, глумился над ним и угрожал застрелить. Продолжая пьяный кураж, завернул во двор сельсовета подводы, на которых рано утром единоличники-середняки везли хлеб на элеватор, навел на них наган, угрожая расстрелом. Все это безобразие сопровождалось площадной бранью. Разобрав дело Попова, президиум районной КК объявил ему строгий выговор, снял с работы, перевел в младшие милиционеры и отправил в другую станицу. Однако партколлегия краевой КК отменила это решение и исключила Попова из партии за превышение полномочий, а районному прокурору предложила привлечь его к уголовной ответственности³.

В станице Усть-Лабинской работал милиционером М.Ф. Яворский, 1902 г. р., из крестьян, член ВКП(б) с 1928 г. Ему было поручено задержать бежавшего из-под ареста должника по хлебозаготовкам, некого Сиротина. Задерживали его Яворский и милиционер по фамилии Саган. Яворский, по соглашению с Саганом, застрелил Сиротина, затем открыл стрельбу и инсценировал попытку бегства задержанного. 23 марта 1931 г. за превышение власти при исполнении служебных обязанностей Яворского исключили из партии и привлекли к уголовной ответственности⁴.

В станице Лабинской на местном базаре крестьянин, у которого имелись все разрешительные документы, продавал свои продукты. К нему подошел милиционер и за-

* **Иванцов Игорь Григорьевич**, кандидат исторических наук, доцент филиала Майкопского государственного технологического университета.

явил, что конфискует у него товар как у спекулянта, на что крестьянин не согласился, и между ними завязалась драка, в итоге милиционер его застрелил. Свидетели убийства пришли в ярость и бросились за убежавшим от них милиционером. Возбужденная толпа разгромила комендатуру, жестоко избива всех попавших под руку милиционеров, над которыми пыталась совершить самосуд. С большим трудом людей успокоили. Президиум Лабинской районной КК провел расследование, в результате с должности был снят начальник районного административного отдела⁵.

В станице Губской Лабинского района станичная опергруппа, возглавляемая помощником начальника Лабинского административного отдела В.В. Кубаевым, в один из дней в полтора верстах от станицы задержала крестьянок М. Касьянову и Ф. Иванову. Они шли в степь жать маслянку (подсолнухи). Кубаев приказал подчиненным расстрелять их на месте как пособниц прятавшихся в окрестностях бандитов. Находившийся в составе опергруппы инспектор уголовного розыска Савилов с трудом уговорил главу опергруппы отправить смертельно напуганных женщин в Губскую на дознание. Кубаев, будучи уполномоченным по хлебозаготовкам, терроризировал и станичников: объезжая паровые молотилки, угрожая арестом и расправой, брал подписки с работников об обязательной работе в воскресные дни, чем вызвал озлобление у станичников. КК рассмотрела персональное дело Кубаева, но он не был исключен из партии, отделался строгим выговором, снятием с должности и запретом в течение года занимать ответственные административные посты⁶.

Факты неправомерного поведения некоторых милиционеров, многочисленные жалобы на их действия стали причиной проведения чистки органов милиции и уголовного розыска в Северо-Кавказском крае в июне–июле 1931 г. Краевая КК отправила всем областным, городским и районным КК секретные циркулярные письма о порядке проведения чистки: 1. В областях, городах и районах организовывались тройки, куда вводился представитель от КК (соответственно областной, районной, городской). 2. Вопрос о возможности дальнейшей работы снятых (с должности) в ходе чистки лиц должен был разрешаться краевой КК–РКИ. Для этого КК, исходя из решений троек, давали свое заключение о возможности их дальнейшего использования в советском аппарате. 3. Уволенным (в ходе чистки) из органов милиции по первой категории выходные пособия не выплачивались. Уволенным по второй категории предусматривалась выплата двухнедельной компенсации (их предупреждали за 2 недели об увольнении) и компенсации за неиспользованный трудовой отпуск. 4. Жалобы на решения принимались районными (областными, городскими) КК–РКИ и направлялись местным органам ОГПУ для последующей их отправки (для рассмотрения) в краевую тройку по чистке. 5. Поскольку материал на членов (и кандидатов) ВКП(б) предварительно изучали КК, необходимо было обеспечить их внеочередное и самое быстрое рассмотрение⁷.

В постановлении Президиума ЦКК от 23 сентября 1931 г. «О взаимоотношениях КК с судебно-следственными органами», адресованном всем районным, городским и областным КК, говорилось, что последние сплошь и рядом не уделяли должного внимания проверке правильности и обоснованности привлечения к следствию и суду членов партии, совершенно механически исключали из партии осужденных или подследственных лишь на основе постановления о привлечении или приговора. В результате формального подхода партия иногда лишалась ценных работников, высококвалифицированных хозяйственников, организаторов, руководителей предприятий.

ЦКК предлагала: 1. Третье от органов расследования, прокуратуры, суда точного соблюдения ими циркуляров ЦК ВКП(б), Народного комиссариата юстиции от 4 декабря 1922 г. и ЦКК ВКП(б) от 14 ноября 1927 г. об обязательном сообщении в течение 24 часов в районную (областную, городскую) КК данных о подследственных или арестованных коммунистах. 2. Не применять механические исключения на основании постановлений судов. 3. По делам о бесхозяйственности, халатности и т.д., где не установлены элементы личной корысти, обращать особое внимание на обоснованность привлечения к уголовной ответственности, на целесообразность применения репрессий. 4. Ставить перед соответствующими органами ОГПУ, прокуратуры, суда

вопросы об исправлении ошибок, если таковые будут выявлены в ходе разбирательств КК. 5. Практиковать не реже одного раза в полгода заслушивание отчетных докладов прокуроров и председателей судов по вопросам привлечения и осуждения членов ВКП(б). 6. Поручить одному из членов КК наблюдение за ходом судебно-следственных дел членов партии. Вместе с тем местные КК предостерегались от вмешательства в оперативную работу этих органов и попыток навязывания в порядке партдирективы своих решений суду и прокуратуре. Виновные в преступлениях должны были исключаться из ВКП(б) не до, а только после соответствующих приговоров суда, но в особых случаях, когда вина была очевидной, КК разрешалось исключать виновных из партии до вынесения официального приговора⁸.

Северо-Кавказская краевая КК, препровождая эти документы на места, сообщала, что в практической работе не следовало руководствоваться циркуляром начальника управления милиции края от 21 октября 1931 г., который противоречил директивам ЦКК⁹ (утверждал, что органы милиции не должны подчиняться контрольным комиссиям ВКП(б), что у них есть свое вышестоящее начальство). Этим подчеркивалась доминирующая роль КК над прочими «репрессивными» органами. Подобного рода решения усиленно проводились в жизнь. Например, на заседании президиума Краснодарской городской КК–РКИ 6 июня 1931 г. разбиралось дело начальника строительства треста «Севкавсельстроя», члена городской парторганизации Зюзина, арестованного с санкции прокурора. Президиум отметил ненормальность ареста без санкции городской КК (и при нарушении инструкции ЦКК). Районному прокурору предложили отменить свое распоряжение (что и было сделано) и в дальнейшем обязательно информировать городскую КК о таких планах¹⁰.

В приложении к протоколу заседания президиума Темрюкской районной КК–РКИ от 7 декабря 1931 г. контрольная комиссия обязывала: 1. Начальника районного отдела ОГПУ, начальника милиции, председателя народного суда по «всем возникающим у них делам на членов и кандидатов в члены ВКП(б) сообщать устно или письменно, не позже чем через сутки в районную КК, а также (сообщать) обо всех принимаемых мерах к коммунистам (привлечение к следствию, обыск, арест, а также ближайшие обстоятельства и причины, вызвавшие такие меры). В случае ареста партийные документы членов партии необходимо было препровождать в КК, за исключением документов, являвшихся предметом следствия (подделка, присвоение и проч.). 2. Президиум КК обязывал судей первого и второго участков г. Темрюка после вынесения приговоров по делам членов партии не позже, чем через 48 часов, пересылать в Темрюкскую районную КК копии приговоров, указывая в препроводительной записке, аппелируется ли приговоренным решение суда. Прокурор района, начальник отдела ОГПУ и начальник районного управления милиции обязывались предоставлять информацию обо всех делах, переданных им на расследование и о принятых по этим делам мерах. 3. Был специально выделен член президиума (Темрюкской) районной КК для наблюдения за ходом судебно-следственных дел коммунистов. Он должен был систематически информировать президиум о состоянии и ходе таких дел. Кроме того, предлагалось вести обязательный учет всех уголовно-следственных дел, возбужденных в отношении коммунистов района¹¹.

Итак, судебно-следственные органы находились под плотной опекой партийных организаций. Без их согласия дела против коммунистов возбуждались довольно редко, особенно против тех, кто имел какую-либо серьезную должность. Органы КК–РКИ (согласно нормативным актам) имели право передавать некоторые дела в судебные органы: «НК РКИ РСФСР предоставляется право возбуждения в административном и судебном порядке преследования должностных лиц за преступления и проступки, обнаруженные в процессе работ, производимых РКИ. В указанных случаях НК РКИ обращается с предложением к судебно-розыскным органам и прокуратуре»¹². На самом деле никто из попавших в поле зрения КК–РКИ не был застрахован от преследования, в том числе и судебного, особенно после начала коллективизации в 1929 г.

Районные прокуроры регулярно сообщали в КК сведения об окончании дел или о прохождении следствия, где фигурантами выступали члены партии. В свою очередь КК рассматривала заключение прокурора и в случае согласия давала санкцию на отдачу коммуниста под суд. На специальном бланке оформлялась выписка для прокурора (или иного лица), где его информировали о решении КК¹³. Все районные КК–РКИ имели специальные книги учета арестованных коммунистов (см. табл.).

Таблица

Форма записи в книге учета коммунистов, привлеченных к судебной ответственности*

Дата поступления, число, номер	От кого получено сообщение, его краткое содержание	Ф.И.О., партстаж, должность, организация, район	Какое решение вынесено КК, число и номер протокола
25 ноября 1931 г. № 412	Райпрокуратура по окончании следствия по делу о бесхозяйственности в 7 стройтресте, 21 декабря 1931 г. передала его в Нарсуд, который 26 декабря 1931 г. присудил к одному году принудительных работ	И.Б. Симонов, член ВКП(б) с 1919 г. ж.д. ячейки, начальник Батайского участка	Партколлегия КК (или парттройка) 27 декабря 1931 г., протокол № 32. Вопрос оставлен открытым до решения суда
9 января 1932 г. № 10	ОГПУ арестовало члена ВКП(б) по обвинению его в участии в убийстве рабселькора. Улики вполне достоверны	М.С. Чиров, член ВКП(б) с 1929 г., председатель Дублинского с/с Писаревского р-на	Президиум КК 10 января 1932 г., протокол № 3. Принято решение за доказанностью улик, исключить из рядов ВКП(б)

* Составлено по: Центр документации Новейшей истории Краснодарского края, ф. 431, оп. 1, д. 226, л. 26.

Таким образом, органы милиции, а также судебно-следственные органы страны находились в прямой зависимости от органов внутрипартийного контроля, которые зачастую вмешивались в их работу, диктуя свои условия, вызывали должностных лиц перечисленных органов на свои заседания, отчитывали и указывали, что им делать. Так президиум КК–РКИ Тимашевского района 25 сентября 1930 г. вызвал на свое заседание народных судей первого и второго участков района, начальника административного отдела (милиции), уполномоченного ОГПУ, прокурора района. Их обвинили в «слабом воздействии и непринятии решительных мер по отношению к сопротивляющейся кулацко-зажиточной и антисоветской части населения в вопросах проведения госполиткомпаний». В вину им также было поставлено, что за период с 1 августа по 23 сентября 1930 г., по таким фактам противодействия ими было заведено и рассмотрено всего 25 дел¹⁴.

Население Северо-Кавказского края с самого начала советской власти начало делиться на социально-близкий и классово-чуждый элементы. Последних подвергали всяческого рода притеснениям. После своего прихода к власти большевики ввели ограничения избирательных прав для определенных групп населения, которых называли лишенцами. В правах ограничивались лица, использовавшие наемный труд с целью получения доходов, жившие на нетрудовые доходы, частные торговцы, монахи и служители культа, бывшие полицейские и жандармы, осужденные за корыстные преступления, умалишенные и недееспособные. С 1926 г. в состав лишенцев попали и члены семей (в том числе несовершеннолетние) тех, кто использовал наемный труд или жил на нетрудовые доходы. Далее к ним стали причислять лиц, подвергшихся репрессиям по линии ОГПУ во внесудебном порядке. По состоянию на 1926 г. в Кубанском округе (сельской местности) было 8 510 лишенцев, в 1927 г. – уже 33 673¹⁵.

Комиссия Краснодарской городской КК провела обследование деятельности Избиркома горсовета по лишению избирательных прав и рассмотрению жалоб на

«неправильное лишение» и обнаружила следующее: 1. В перевыборную кампанию 1929 г. в списках лишенцев по Краснодару состояли 10 800 человек, а всего учтенных избирателей было 88 тыс. человек. 2. Из числа внесенных в списки лишенцев были либо восстановлены одновременно в правах, либо выбыли из Краснодара по разным причинам 6 397 человек. 3. В перевыборы 1931 г. были внесены в списки лишенцев от предыдущих выборов 4 403 человека и вновь выявлены 2 338, всего 6 741 человек. 4. В избирательную кампанию 1931 г. было учтено всего по Краснодару 95 646 человек. 5. По состоянию на 15 апреля 1931 г. лишенцев в Краснодаре было значительно меньше, чем 2 года назад – 6 081 человек.

Были отмечены случаи лишения избирательных прав бывших красных партизан и коммунистов, причем один случай – вследствие ошибки Избиркома. В списки лишенцев иногда вносились кустари, имевшие патент первого разряда на соответствующую деятельность. КК потребовала от Избиркома пересмотреть их дела. Одновременно КК потребовала закрепить достигнутые успехи по выявлению лишенцев, обращая особое внимание на лиц, «прибывших в Краснодар из деревни в связи с ликвидацией кулачества как класса»¹⁶. Лишение избирательных прав перечисленных групп населения фактически явилось прологом к массовым репрессиям.

За 8 месяцев 1931 г. в Краснодаре с подачи городской КК милицией и судебно-следственными органами выселено 36 семейств «нетрудового элемента». 5 августа 1931 г. Президиум городской КК–РКИ обязал горсовет выявить весь нетрудовой элемент в жилищно-арендных кооперативных товариществах и домах Домтреста в течение 10 дней, а Жилсоюзу выселить их. Прокуратуру и суд «попросили» рассматривать эти дела без всякой очереди¹⁷.

Но кто считался нетрудовым элементом? В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 февраля 1931 г. «О порядке выселения из жилых помещений, находящихся в распоряжении предприятий, транспорта и промышленности, лиц, прекративших работу в данных предприятиях», и в связи с постановлением ВЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин» администрации предприятий получили право немедленного выселения уволенных, без предоставления им жилой площади и транспортных средств, в любое время года¹⁸. А прогулом считалось отсутствие на работе или опоздание на нее на 1 час без уважительных причин. Готовясь к организации призыва (1909 г.) в РККА, Отрадненский РК ВКП(б) совместно с районной КК в марте 1931 г. поручил фракции РИК произвести тщательный отбор призывников и отсеять всех классово-чуждых (из зажиточных в прошлом семей), что тоже было одной из практикуемых форм притеснений¹⁹.

Борьба КК с «уклонистами» на селе приобретала порой причудливые формы. Белореченская КК предложила вменить в обязанность сельсоветам, выдерживая классовый принцип, штрафовать родителей (только зажиточных), запрещавших своим детям ходить в школу, поскольку «с обострением классовой борьбы в деревне со стороны кулачества и антисоциальных элементов имеют место факты непосылки детей в школу, чем сознательно уменьшается посещаемость в школе»²⁰.

Начиная с 1930–1931 гг., независимо от реального состояния дел во вредительстве мог быть обвинен кто угодно и по любому поводу. Так в проведении линии на вредительство обвинили пожарных Усть-Лабинского района. Президиум районной КК указывал, что «одним из методов работы классового врага и остатков враждебных сил является пожар». Пожары в районе свидетельствовали о том, что враг усилил борьбу. В то же время проверка противопожарной безопасности показала, что в станице Усть-Лабинской было только 3 пары пожарных лошадей (одна из них – негодная). Кормами лошади не обеспечивались, сельсовет посылал пожарных лошадей по разездам, не касавшимся пожаров, пожарного инвентаря не хватало.

Председатель Новоукраинского сельсовета Кропоткинского района Захаров под угрозой ареста отбирал лошадей у пожарных и использовал их для личных целей. В результате одна лошадь пала. За отказ отдавать пожарных лошадей на работы в Новодмитриевском сельсовете того же района его председатель Лысенко арестовал

на двое суток пожарного старосту, лошадей вместе с инвентарем забрал. В это время в станице начался пожар, полностью сгорел сарай вместе с коровой. В Казанском сельсовете за отказ отдать пожарный инвентарь и лошадей по распоряжению главы сельсовета на несколько суток арестовали всю станичную пожарную команду. Заведенные на председателей сельсоветов за вредительство и самоуправство дела были переданы в прокуратуру района²¹. В станице Воронежской имелись 6 пожарных лошадей, бочки для воды, но шланги отсутствовали. Насосные машины (помпы) были исправны, а приемные шланги к ним – нет. Правление колхоза своим распоряжением постановило мобилизовать пожарных лошадей на пахоту в степь с нагрузкой в 71 га на лошадь. Инициативу признали вредительской, и виновные были наказаны²².

Президиум краевой КК и Коллегия краевой РКИ на совместном заседании 6 августа 1931 г. констатировала «явные перегибы местных парторганизаций и судебно-прокурорских учреждений в сторону привлечения к уголовной ответственности и осуждения низового колхозного актива». Согласно проверке краевого суда за 1930 г. по 998 делам (фактически и дел, и осужденных по ним было больше), осудили 1 647 человек (из них 351 председатель колхоза, 436 членов правлений, 860 бригадиров и др.) и оправдали 341 человека, 850 человек привлекли к принудительным работам сроком от 1 недели до 3 месяцев, а часть колхозного актива без какой-либо вины – к суду вместо мер общественно-дисциплинарных²³.

4 ноября 1932 г. состоялось заседание бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) с участием представителей ЦК. В постановлении «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани» отмечалось, что декрет от 7 августа того же года слабо применялся и «предлагалось» краевому суду и прокуратуре рассмотреть 20 дел, а приговоры опубликовать в печати. Органы ОГПУ должны были усилить карательные меры²⁴. В районах КК начали кампанию по «сокрушению сопротивления кулака и его агентуры», которая заключалась в проверке деятельности всех виновных в провале хлебозаготовок: колхозных работников, работников нарсуда, милиции и прокуратуры. Проверка показала, что делам о хищениях зерна с полей (дела срезавших хлебные колосья для личного употребления – «несунов») милиция и суды не придавали политического значения, расценивая их как обычное воровство. За такую «доброту» многие виновные в вынесении «мягких» приговоров заплатились своими должностями, а иногда и свободой.

В апреле 1931 г. на заседании президиума КК–РКИ Усть-Лабинского района был рассмотрен вопрос «Об итогах чистки состава коллегии защитников и проверки состояния их работы». Районная коллегия защитников (адвокатская коллегия) обвинялась в том, что в период проведения хозполиткомпаний в своей практической работе шла в разрез с их ходом, что выражалось в «систематическом отказе и неоднократных срывах показательных процессов по кампанийским делам», а именно возбуждаемым судебно-следственными органами и прокуратурой по отношению к раскулаченным по первой категории и лишенцам. Работа членов коллегии «проходила в русле исключительно своих собственных интересов, путем первоочередного написания ходатайств чуждому элементу с таким расчетом, чтобы получить с таковых большее вознаграждение. В то же время они старались скомпрометировать решения суда и властей, говоря, что если они берут на себя столь большую ответственность писать тому или иному лишенцу заявления, то они считают, что местная власть лишила их прав неверно». В результате коллегия защитников решила распустить полностью, а двум ее членам запретили работать по этой специальности навсегда. Народному судье Усть-Лабинского райсуда Кольхалину предложили подобрать лучших колхозников из красных партизан, выдвинуть их на работу в (новый) коллектив защитников. Для этого временно оставили на работе одного из членов теперь уже бывшей коллегии, которого обязали принять на себя консультацию посетителей и обучить их азам адвокатского дела в течение 3 месяцев²⁵.

Весь 1932 г. для работы районных КК было характерно обилие дел сельских функционеров, обвиненных в срывах и саботаже хлебозаготовок, оппортунизме (чаще всего под этим подразумевались выступления против нереальных планов хлебозаготовок),

переходе на сторону классового врага, укрытии хлеба и т.д. Передовицы районных газет были полны сообщений об их разоблачениях и наказаниях²⁶. Ряд дел касался мародерства и грабежей раскулаченных. Причем по ним проходили как крупные функционеры (председатели колхозов, сельсоветов, секретари партийных организаций), так и рядовые колхозники, а иногда даже народные судьи, позволявшие себе затягивать разбор судебных дел, связанных с хозполиткампаниями²⁷.

В конце 1932 г. в своем стремлении переложить вину за начавшийся голод на плечи местных парторганизаций руководство ВКП(б) санкционировало массовое снятие с постов и аресты местных кадров. Требуя безоговорочного выполнения распоряжений власти, чиновники различных мастей заботились, по существу, только о себе, хотя понимали, что начавшийся голод явился результатом их деятельности. Особенно много исключенных из партии коммунистов (подвергнутых суду, осужденных по закону о «пяти колосках» и т.д.) оказалось весной–летом 1933 г.: за нежелание работать в поле, необеспечение сбора хлеба, невыполнение плана по весеннему севу, злоупотребления и др.

Многие апеллировали в краевую КК–РКИ и ЦКК. Из Белореченского района, к примеру, на заседание в комиссию ЦКК 10 октября 1933 г. вызвали 16 человек, выездной краевой парттройкой по апелляциям на заседание в ноябре – 18 человек. Всего во второй половине 1933 г. в краевую КК–РКИ, требуя реабилитации, апеллировали 23 человека, в ЦКК – 14²⁸. Краевая КК зачастую не вызывала апеллирующих, а высылала 2 экземпляра выписки из своих решений. КК обязаны были вручить 1 экземпляр апеллировавшему под расписку, которая возвращалась в краевую КК (или сообщалось, что адресат не найден)²⁹. Сложившееся положение способствовало бегству коммунистов с мест работы. По данным сводки Северо-Кавказской краевой КК, только за 4 месяца 1932 г. 21 районной КК было привлечено к ответственности 1 145 человек, из них 796 работников-коммунистов сельского актива и 349 – районного звена. За тот же период, по сообщению 25 районных КК края, без разрешения партийных органов самовольно выехали с работы (скрылись в неизвестном направлении) 487 человек³⁰. Обычными становились сообщения такого рода: «Заведующий книжным магазином в станице Приморско-Ахтарской ушел в отпуск и по его истечении на место работы не вернулся»³¹. В Туапсинском районе в конце ноября 1932 г. 6 коммунистов бежали, из них двое вернулись, получив строгие выговоры, 4 не вернувшихся исключили из партии. Примечательно, что все они занимали ответственные должности. Среди них был инструктор райкома, директор кирпичного завода, инструктор по заготовкам райтабаксоюза, секретарь партячейки райпромсоюза. Постановление Туапсинской районной КК утверждало, что любой самовольный выезд без санкции райкома ВКП(б) являлся прямым нарушением партийного устава и дисциплины³².

Далее бюро крайкома ВКП(б) совместно с представителями ЦК, ввиду особо позорного провала хлебозаготовок и озимого сева по районам Кубани, своим решением от 4 ноября 1932 г., опубликованным в газете «Молот» на следующий день, поставило задачу: сломить саботаж, а главное – сопротивление сельских коммунистов. 5, 11 ноября того же года на заседании президиума краевой КК ВКП(б) были заслушаны сообщения ее руководителя С.А. Новоселова и секретаря партколлегии ЦКК ВКП(б) Шкирятова, в которых говорилось, что ЦК снизил для Северо-Кавказского края план хлебозаготовок на 59 млн пудов и что оставшийся план вполне реален и выполним. Всем районным, областным и городским КК–РКИ предложили провести в отстающих районах чистку-проверку обслуживающего персонала крупнейших отстающих колхозов (завхозов, кладовщиков, учетчиков и т.д.) с целью «освобождения этих должностей от чуждых, классово-враждебных и преступных элементов». Затем принятые решения пресса растиражировала по всему краю. Районные власти также через прессу объявляли о занесении на черную доску отстающих станиц района. Например, в Отрадненском районе на черную доску совместным решением райкома, районной КК и райисполкома от 7 ноября 1932 г. были занесены станицы Удобная, Преградная, Спокойная и Под-

горная, в которых нескольких председателей колхозов предали суду с проведением показательных процессов³³.

Местная пресса требовала покончить с кулаками, выполнить план хлебозаготовок. Иногда целые выпуски газет и журналов полностью посвящались этой теме. Районные КК–РКИ должны были стать боевыми органами партии и возглавить уничтожение саботажа³⁴. Всего к чистке было намечено 19 районов. В районные КК сроком на 2 недели были посланы работники краевой КК для оказания помощи в проведении чистки³⁵. В одном из этих районов, Брюховецком, сразу же создали 4 тройки для чистки аппарата в станицах Батуринской, Роговской, Новокорсунской и Джерелиевской как самых отстающих. В станице Батуринской провели чистку 5 наиболее отстающих колхозов. В них проверили 50 человек, 20 из которых сняли с работы и репрессировали. По линии прокуратуры с 1 по 15 ноября 1932 г. в той же станице за кражу колхозного имущества привлекли к ответственности 43 человека (11 кулаков; 3 зажиточных; 14 середняков; 7 бедняков; 6 колхозников; 2 комсомольцев), из них приговорили к расстрелу 8, 30 человек лишили свободы на 10 лет, а 5 получили срок от 2 до 7 лет. В тот же период за невыполнение плана хлебозаготовок привлекли к ответственности (по ст. 61 УК СССР) 27 человек (11 зажиточных, 15 середняков и 1 коммуниста), из них 8 осудили на 2 года лишения свободы, остальные 19 получили сроки от 1 до 1,5 лет. Решением президиума Брюховецкой районной КК народный судья района Горькуша за затяжку дел (рассматривались месяц и более), был исключен из партии, прокурор и начальник управления милиции района получили строгие выговоры. Одновременно районная КК сообщила в краевую, что находящийся в районе член краевого суда Райский (или Раевский) посмел высказаться, что политические ошибки были допущены судом и прокуратурой по объективным причинам. В дальнейшем его привлекли к партийной ответственности. Еще одним результатом чистки стало то, что под сильнейшим нажимом с 1 по 15 ноября 1932 г. в станице Батуринской собрали 1 519 т зерна, годовой план выполнили более чем на 70%³⁶.

Другие районы тоже «не отставали». На выездном заседании парттройки Ванновской районной КК 10 ноября 1932 г. разбиралось дело о сопротивлении хлебозаготовкам, разбазаривании и укрытии зерна руководителями колхозов хутора Северо-Кубанский. Из партии исключили и привлекли к судебной ответственности председателей и ответственных работников колхозов «им. Шевченко», «им. Пивоварова» и «им. Северо-Кубанских партизан». Так в колхозе «им. Пивоварова» был роздан аванс в размере 32% от обмолота (полагалось 15%). В рамках проведенной чистки несколько работников получили разного рода взыскания³⁷. С 15 ноября по 5 декабря 1932 г. провели чистку аппаратов советов, колхозов, потребкооперации, заготовочных организаций Ейского³⁸, Каневского³⁹, Краснодарского⁴⁰ и других районов.

В Северо-Кавказском крае по частному сектору недоимка налогов на 1 января 1931 г. составила 4 386 468 руб., на 1 января 1932 г. – 9 440 372 руб. (115,2%). В связи с этим президиум и коллегия краевой КК–РКИ постановили усилить свой контроль над финансовыми органами края, охватить проверками в течение 1932 г. не менее 50% этих органов. Местным КК предложили привлечь к сбору недоимок суд, прокуратуру, уголовный розыск и милицию, усилить контроль и наблюдение за налоговой работой финансовых органов по частному сектору⁴¹.

Для конца 1932 г. – начала 1933 г. было характерно огромное количество контрольных дел, касавшихся перерасхода хлебных фондов⁴². В Темрюкском районе за I квартал 1933 г. за срыв посевной, разбазаривание зерна и т.д. в соответствии с постановлением крайкома партии от 4 ноября 1932 г. привлекли сначала к партийной, а затем и к уголовной ответственности 710 человек⁴³.

Тем не менее были попытки и неподчинения распоряжениям комиссий внутрипартийного контроля. Характерным является дело, начатое в 1932 г. У.И. Дышеков, 1906 г.р., член ВКП(б) с 1925 г., на момент возникновения дела работал начальником милиции Шапсугского района Северо-Кавказского края; будучи начальником районного отдела милиции вступил в конфликт с районной КК–РКИ. Он требовал от

подчиненных, чтобы те не вступали в контакт и в какие бы то ни было объяснения с районной КК. Несмотря на распоряжения районного прокурора, Дышеков не давал в КК сведений об уголовных делах, возбужденных против коммунистов, а 25 января 1934 г. вызвал в милицию партследователя районной КК под предлогом постановки на учет его паспортных данных. Обычно по таким делам работников КК в милицию вызывать никто не осмеливался. Дышеков говорил, что после XVII партсъезда контрольные комиссии все равно отменяют, и с ними можно не считаться. Здесь он оказался прав, но такие разговоры не сошли ему с рук. Против него было возбуждено партийное расследование, которое выявило много грехов начальника милиции: брал взятки со своих подчиненных продуктами, за что давал отпуска на 7–8 дней; незаконно распорядился выдать своему брату из запасов милиции наган; пристроил на работу в милицию двух своих земляков, сыновей кулаков; грубо обращался с подчиненными, постоянно ругался матом; 30 января 1934 г., ночью, открыл окно рабочего кабинета своего зама, уполномоченного особого отдела, и похитил секретную переписку. 2 февраля 1934 г. его вызвали в районную КК–РКИ для дачи объяснений, но отвечать на вопросы он отказался, вел себя грубо и вызывающе. В итоге его сняли с работы, а из партии исключили⁴⁴.

По данным на I квартал 1933 г., многие партийные организации Кубани и Дона потеряли более половины своего состава. Мотивами исключения из партии, например 393 коммунистов 17 кубанских станиц, были «проникновение в партию с контрреволюционной целью, связь с классово чуждым элементом» (22.9%), «пассивность и примиренчество к кулацкому саботажу, попустительство и содействие воровству и хищению хлеба» (39.1%), «балласт» (14%) и др. Применительно к Кубани, где под руководством Л.М. Кагановича с конца 1932 г. осуществлялись массовые и невиданно жестокие репрессии, дабы принудить хлеборобов сдать хлеб «до последнего зерна», все эти обвинения были абсурдны⁴⁵.

Подобные решения партийных органов, действия органов партийно-государственного контроля, которые полностью дискредитировали себя, работу следственно-судебных органов, милиции и даже ОГПУ в глазах членов ВКП(б) с их нерассуждающей дисциплиной, были уже к тому времени вполне обычным делом для населения. Политика, нацеленная на усиление как судебного преследования виновных в чем-либо перед властью, так и особенно внесудебного, направленная, в том числе и на следственно-судебные органы, закономерно приводила к вседозволенности и насилию над людьми, в результате к массовым репрессиям против многих категорий населения, причисленных к «чуждому элементу».

Примечания

¹ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917–1920 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 52.

² Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории. № 11–12. С. 53.

³ Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК), ф. 8277, оп. 1, д. 16, л. 68.

⁴ Там же, ф. 9777, оп. 1, д. 25, л. 3.

⁵ Там же, ф. 10578, оп. 1, д. 11, л. 13, 38.

⁶ Там же, л. 16.

⁷ Там же, ф. 8350, оп. 1, д. 22, л. 196.

⁸ Там же, ф. 431, оп. 1, д. 11, л. 1–2 об.

⁹ Там же, д. 12, л. 11.

¹⁰ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 4, л. 20.

¹¹ Там же, ф. 4387, оп. 1, д. 28, л. 15.

¹² ГА РФ, ф. 406, оп. 1, д. 561, л. 8.

¹³ ЦДНИ КК, ф. 20, оп. 1, д. 16, л. 1; ф. 1725, оп. 1, д. 182, л. 13.

¹⁴ Там же, ф. 3643, оп. 1, д. 3, л. 5–6.

- ¹⁵ История Кубани с древнейших времен до конца XX века: Учебник для высших учебных заведений. Краснодар, 2004. С. 221–222.
- ¹⁶ ЦДНИ КК, ф. 20, оп. 1, д. 4, л. 73, 73 об.
- ¹⁷ Там же, д. 5, л. 34.
- ¹⁸ Ударник. 1932. № 167. 26 ноября (ЦДНИ КК, ф. 1774-Р, оп. 2, д. 386, л. 25 об.).
- ¹⁹ Там же, ф. 8486, оп. 1, д. 23, л. 79.
- ²⁰ Там же, ф. 12175, оп. 1, д. 7, л. 41.
- ²¹ Там же, ф. 1725, оп. 1, д. 193, л. 12–13; д. 194, л. 9–12.
- ²² Там же, ф. 9777, оп. 1, д. 26, л. 15–16.
- ²³ Там же, ф. 797, оп. доп., д. 28, л. 56.
- ²⁴ Пролетарский контроль. 1932. № 10–11 (34–35). С. 4–5.
- ²⁵ ЦДНИ КК, ф. 9777, оп. 1, д. 25, л. 15; д. 26, л. 14, 17.
- ²⁶ Ленинский путь. 1932. № 215 (536). 18 сентября.
- ²⁷ ЦДНИ КК, ф. 12172, оп. 1, д. 15, л. 89.
- ²⁸ Там же, ф. 12175, оп. 1, д. 40, л. 1–41.
- ²⁹ Там же, ф. 8350, оп. 1, д. 33, л. 59–60.
- ³⁰ Там же, ф. 10578, оп. 1, д. 34, л. 11–11 об.
- ³¹ Там же, ф. 8265, оп. 1, д. 17, л. 6.
- ³² Там же, ф. 3669, оп. 1, д. 97, л. 16.
- ³³ Красное знамя. 1932. № 47. 8 ноября (ЦДНИ КК, ф. 8486, оп. 1, д. 26, л. 179–180).
- ³⁴ Пролетарский контроль. 1932. № 10–11.
- ³⁵ ЦДНИ КК, ф. 10587, оп. 1, д. 22, л. 32–40.
- ³⁶ Там же, ф. 4380, оп. 1, д. 8, л. 244, д. 16, л. 4.
- ³⁷ Там же, ф. 10587, оп. 1, д. 25, л. 23–45.
- ³⁸ Там же, ф. 439, оп. 1, д. 64, л. 116–117.
- ³⁹ Там же, ф. 10581, оп. 1, д. 5, л. 104.
- ⁴⁰ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 29а.
- ⁴¹ Там же, ф. 8485, оп. 1, д. 10, л. 43–44.
- ⁴² Там же, ф. 12174, оп. 1, д. 9, л. 171; ф. 10581, оп. 1, д. 5, л. 88, 102, 108; ф. 3470, оп. 1, д. 30, л. 4.
- ⁴³ Там же, ф. 4387, оп. 1, д. 43, л. 5.
- ⁴⁴ Там же, ф. 8485, оп. 1, д. 8, л. 6–7.
- ⁴⁵ Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 48.

© 2011 г. В. С. ХРИСТОФОРОВ*

К ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сбором разносторонней информации об общественных настроениях населения в военное время занимались органы государственной безопасности и внутренних дел, партийные организации, редакции газет и политических журналов, партийно-политические органы Красной армии и Военно-морского флота. В структуре Наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик, Управлений НКВД краев и областей сбором и обобщением материалов о настроениях населения, которые затем предоставлялись в НКВД СССР, занимались информационные, секретно-политические и контрразведывательные подразделения. После образования в феврале 1941 г. Наркомата госбезопасности контроль общественных настроений был возложен на третье (секретно-политическое) Управление НКГБ СССР. На местах сбором информации занима-

* Христофоров Василий Степанович, доктор юридических наук, начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России.